

БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 1989: ЗАТЯНУВШИЙСЯ КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Яна Примаченко

Институт истории Украины, Национальная Академия Наук Украины
ORCID: 0000-0003-2506-787X

Михаил Минаков

Институт Кеннана, Международный научный центр им. В. Вильсона
ORCID: 0000-0002-0619-7321

Народы Востока Европы коренным образом изменили политические и общественно-экономические модели своего развития во времена «долгого 1989-го». Опираясь на первые достижения перестройки в СССР и связанную с ней либерализацию во внешней политике, в период с 1989 по 1991 гг. восточноевропейские народы начали всестороннюю трансформацию, направленную на, как тогда казалось, установление демократии, верховенства права, свободного рынка и национальной государственности. Тридцать лет после начала этой трансформации мы можем рассмотреть, чего именно достигли народы нашего региона за это время.

Этот номер журнала «Идеология и политика» нацелен на изучение наследия тех демократических и авторитарных движений, которые начались в социалистических обществах Югославии, Центральной и Восточной Европы и СССР в 1989–91 годах. Статьи, помещенные в этом номере анализируют сложные взаимосвязи между старыми и новыми политическими, социальными и экономическими акторами, которые привели к возникновению новых политических режимов, национальных и транснациональных движений, а также экономических реалий в регионе.

Мы должны отметить, что тема этого номера была определена во время дебатов на Европейском историческом форуме (ЕИФ). Этот Форум состоялся 21–22 мая 2019 году в Берлине при содействии Фонда им. Генриха Белля и российского Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

В этом году Форум был посвящен годовщине «бархатных революций». Организаторы предложили участникам для обсуждения тему «30 лет после 1989 года: Свобода от чего? Свобода для чего? Наследие авторитаризма в Восточной и Юго-Восточной Европе. Как сегодня истолковывают 1989-й год». К участию были приглашены как ученые старшего поколения, на глазах которого происходили эти судьбоносные события, так и молодые исследователи — ровесники «бархатных революций».

Не менее широкой была и география участников Форума. Фактически организаторы пригласили не только представителей стран Центрально-Восточной Европы, стоявших в авангарде революционных процессов, но и представителей Юго-Восточной Европы и постсоветских стран. Дискуссия показала, что «1989 год» является довольно условной датой. Для представителей отдельных регионов точка «перелома», повлекшая падение авторитарных режимов, варьировалась в диапазоне нескольких лет до и после указанного года. В случае Польши эта дата, наверное, отодвигается дальше всего и достигает начала профсоюзного движения «Солидарности». Поэтому логично говорить о «длинном 1989 годе» как моменте начала трансформации обществ нашего региона.

В польской национальной историографии большое значение придают именно Солидарности, создавшей предпосылки для разрушения Берлинской стены. Такой подход поддерживают немецкий историк Леонид Люкс и американская философа Марси Шор. В частности, Леонид Люкс считает, что Польша всегда играла роль слабого звена во внешнем поясе безопасности СССР. Именно с нее начался демонтаж советской системы в Центральной Европе (Lyuks 2013: 22). В свою очередь Марси Шор рассматривает Солидарность как национально-освободительное движение, которое смогло объединить весь польский политический спектр от правых партий до левых движений. При других обстоятельствах они просто не оказались бы в одном лагере (Shore 2014).

Амбициозная попытка организаторов форума найти общее и различное в каскаде «бархатных революций» выдалась довольно удачной. Однако попытки дать историческую оценку тем изменениям, которые произошли с момента падения Берлинской стены — символическое олицетворение авторитаризма, — оказались неубедительными. Главным камнем преткновения стал откат от демократически-правовых ориентиров, который переживают народы Центрально-Восточной Европы в данный момент. Волна популизма, антидемократические настроения и ностальгия по коммунизму «накрыли» ряд стран региона, среди которых и флагманы исторических изменений 1989 года — Польша и Венгрия (Vazhan 2020).

Откровенным вызовом для современного мира стала и позиция России. В 2005 году президент Российской Федерации Владимир Путин назвал распад Советского Союза величайшей катастрофой XX века (цит. по: Khavkin 2010). А уже с 2007 года Россия стала ведущей ревизионистской силой, стремящейся просмолетреть результаты Холодной войны. В этом контексте вопрос незавершенности трансформационных процессов, запущенных в 1989 году, оказывается в одном ряду с проблемой необратимости изменений в условиях глобального кризиса либеральных ценностей.

Особое значение приобретает категория свободы как высшей человеческой ценности. В свое время Зигмунд Фрейд говорил:

«Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность пугает людей» (цит. по: Sereda 2018).

Эта мысль была детально развита в визионерском труде Эриха Фромма «Бегство от свободы», в котором он поднимает вопрос родства авторитаризма с феноменом «бегства» (Fromm 2018).

Символичным — и даже пророческим — описанием современной ситуации *Выбора 1989 года* можно считать казус, произошедший 9 ноября 2009 года во время празднования двадцатой годовщины падения Берлинской стены. Тогда, в рамках приуроченного к дате «Фестиваля Свободы», была создана масштабная художественная инсталляция из тысячи пластиковых домино, которые немецкие школьники и художники разрисовали лозунгами о мире и свободе. Домино были выстроены вдоль двухкилометровой линии бывшей стены. Экс-президент Польши и лидер Солидарности Лех Валенса под радостные приветствия и вспышки камер толкнул первое домино, запустив цепную реакцию, которая должна была символизировать эпоху перемен, начатую бархатными революциями. К большому сожалению организаторов и участников действия, последнее домино устояло (Beasley-Murray 2013).

В метафизическом измерении Берлинская стена все еще существует не только в головах рядовых граждан народов Восточной Европы, но и в ментальных картах европейского и российского политического истеблишмента. Это приводит к возвращению в политическую повестку дня старых дискурсов и практик. Сейчас в сердце Европы продолжается новая необъявленная война. Как отмечает Леонид Люкс, независимая Украина, особенно после Оранжевой революции 2004 года, уподобилась коммунистической Польши времен Солидарности. Позже, Евромайдан, которой поднял на свои знамена европейские ценности, попытался создать новый форпост свободы — место, откуда ломали бы ментальную Берлинскую стену. По сути, российская интервенция в 2014 году стала последней попыткой бывшей империи удержать статус-кво на территории постсоветского пространства (Lyuks 2013). Поэтому вопрос, как интерпретировать 1989 год во времена его тридцатой годовщины, как никогда актуален.

Европейский исторический форум вдохновил редакцию журнала посвятить теме «длинного 1989 года» отдельный номер и пригласить участников Форума и всех заинтересованных исследователей присылать свои статьи. Конечно, соблюсти идеальный баланс и представить взвешенный взгляд на «бархатные революции» с точки зрения всех стран, захваченных этим феноменом, невозможно из-за ограниченного объема издания и масштабности задачи. В силу этого редакция сосредоточилась в большей степени на т. н. «Украинском кризисе»¹ как своего рода антитезе 1989 году. Авторы нашего номера отчасти пытались показать, как и почему политика «нового мышления» Михаила Горбачева превратилась в политику «русского мира» Владимира Путина.

Номер открывает исследование Татьяны Поярковой и Инны Плотницкой, описывающее процесс становления патрон-клиентских отношений в СССР.

¹ «Украинский кризис» — неудачный, но широко употребляемый термин для обозначения событий в Украине в 2013–15 гг.

Исследовательницы поставили перед собой амбициозную задачу — описать весь процесс с момента становления Советского Союза до перестройки. Клиентелизм авторки определяют как сочетание принуждения и эксплуатации с добровольными отношениями и вынужденными взаимными полулегальными обязательствами. В независимой Украине зависимость политического процесса от влиятельных персоналий, которые де-факто размещают свою лояльность на определенные предпочтения, по мнению исследовательниц, унаследовано от советской системы. С другой стороны, именно номенклатура стала движущей силой свержения советской системы. Ведь именно номенклатура нарушила «социальный пакет», возникший после системной отказа от репрессий и стал основой воссоздания СССР.

Клиентелизм советского образца до сих пор определяет политические процессы в независимой Украине. Несмотря на определенные надежды, Евромайдан не смог разорвать порочный круг. Как отмечают Пояркова и Плотницкая, почти тридцатилетнее существование постсоветской Украине показывает, что, несмотря на демократические процедуры и институты, ключевые политические и административные должности заполняются лицами, лично преданными победителям в избирательной гонке. Приход к власти «команды Зеленского» не изменил общий подход. Ведущие посты в государстве получили люди из близкого окружения нового президента: друзья, родственники, коллеги по «95-му кварталу».

Рассматривая феномен становления клиентелизма в контексте теории модернизации, исследовательницы склоняются к мнению, что заимствованный и насильственный характер советской модернизации способствовал превращению социальных механизмов в институциональные гибриды. В послесталинский период патрон-клиентские отношения обеспечивали формирование и воспроизводство советского господствующего класса. Постепенно именно эти отношения из периферийных превратились в основные для существования советской системы, хотя при этом подтачивали ее изнутри. Клиентелизм приводил к системному нарушению закона, культивировал в номенклатуре такие качества как карьеризм, нескрываемый цинизм и аморальность.

Исследовательницы считают, что во времена перестройки патрон-клиентские отношения превратились в поле, где неразрывная связь между легальным и нелегальным компенсировала отсутствие горизонтальных связей в обществе. В условиях жесткой конкуренции за ресурсы, возникшей во время распада СССР, номенклатура оказалась в привилегированном положении, став главным бенефициаром созданных на обломках Советского Союза независимых республик. Именно клиентелизм обеспечил ее выживания и даже процветания в независимой Украине.

Статья Ивана Гомзы и Дениса Терещенко предлагает взглянуть на поведенческие паттерны в среде партийной элиты ГДР в период развертывания «бархатной революции» 1989 года. Авторы применили теоретико-игровую модель к источниковой базе, чтобы определить корреляцию между возрастом партийных функционеров и их склонностью поддержать курс на либерализацию политической системы ГДР. Исследователи приходят к выводу, что идея либерализации имела

широкую поддержку среди немецкой номенклатуры. И это, в конце концов, привело к «Повороту» (Wende) в истории разделенной Германии.

Уртак Хамити предлагает читателям анализ событий 1989 года в Югославии с точки зрения косоваров. В отличие от Центрально-Восточной Европы, где транзит от авторитаризма к демократии прошел ненасильственным путем, распад Югославии растянулся на долгие десять лет. Альфой и омегой этого конфликта стала борьба вокруг статуса Косово, начиная с приостановления автономии края центральным правительством Югославии и заканчивая утверждением его независимости. Хамити показывает, как в Югославии национализм пришел на смену коммунистической доктрине. Собственно, именно национализм правящей сербской элиты вызвал цепную реакцию вооруженных конфликтов в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине за спорные территории. Автор фокусируется на событиях 1989–1991 годов в Косово, особенно на движении за права человека. Хамити считает, что именно оно заложило основу движения косоваров за свободу и независимость.

Исследователь убежден, что в случае с Косово ненасильственный путь выхода из состава Югославии был изначально невозможен по ряду причин — и прежде всего из-за неготовности Слободана Милошевича отпустить «мятежную провинцию». Привлечение НАТО для решения конфликта в случае Косово было единственно возможным сценарием. Хамити убежден, что случай Югославии следует рассматривать отдельно от процессов в Центрально-Восточной Европе, запущенных падением Берлинской стены, поскольку распад Югославии был вызван не внешними, а внутренними факторами. В данном случае международные игроки, например Соединенные Штаты, не были катализаторами изменений, а наоборот, именно они своей политикой невмешательства способствовали распаду Югославии.

В следующей статье Игорь Пиляев предлагает взглянуть на «украинский кризис» и вооруженный конфликт на Донбассе сквозь призму постнеклассической методологии. Автор предлагает разностороннее историософское осмысление «украинского кризиса», рассматривая его с культурной и неореалистической перспективы. В то же время исследователь прибегает к анализу политического режима в Украине. Правда, этот подход, как, собственно, и само исследование автора, остается в рамках традиционной для постсоветского дискурса дихотомии советское – националистическое и Восток – Запад. Как аналитическая рамка, рассмотрение Украины с точки зрения бинарных оппозиций не позволяет полностью оценить культурную и лингвистическую разнообразие страны с положительной перспективы, ограничивая оптику аналитиков. Тем не менее, автор выходит с предложениями, которые бы позволили выстроить новую систему международной безопасности в Европе и Азии вокруг Украины. Пиляев также отмечает потенциал Украины для успеха трансконтинентального диалога Азии и Европы.

Олег Бажан и Виктор Тригуб подготовили статью посвященную процессу «третьего возрождения» Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ). Исследование написано на архивных материалах Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Исследователи показывают, как УАПЦ постепенно превращалась в один из элементов борьбы за независимость

Украины и отделение от религиозного влияния Москвы. Авторы демонстрируют, как личный фактор — желание духовенства сохранить свои приходы — тесно переплетался с общественной инициативой и глубокими политическими процессами, происходившими в Украине той поры.

Процесс возрождения УАПЦ имел под собой мощное гражданское движение, тогда как политическую поддержку от «новой» украинской элиты он получил только в 1990 году, когда народные депутаты осознали мобилизационный потенциал религиозного фактора в борьбе за независимость. Это исследование является ярким примером case study. Особую актуальность оно приобретает в контексте «гибридной войны» России и Украины, где православная церковь (или, скорее, церкви) играет одну из сфер конфликта.

Статья, написанная в соавторстве Романа Горбика, Яны Примаченко и Юлии Юрчук, нацелена на анализ медиатизации сферы публичной истории, ставшей мейнстримным трендом в Центральной и Восточной Европе. В определенной степени этому способствует позиция правительства России, которое активно использует исторические аргументы для оправдания агрессивной внешней политики. Исходя из теории медиатизации и теории коллективной памяти, авторы рассматривают соответствующие процессы во всем регионе, а затем рассматривают кейс Ликбеза, общественной инициативы украинских историков, направленной на опровержение исторических мифов как в Украине, так и вне ее. Исследователи обозначают общий тренд потери государством эксклюзивного права на интерпретацию и репрезентацию исторического прошлого. Также авторы отмечают, что использование медийных технологий сказывается на статусе профессиональных историков. С одной стороны, это приводит к размыванию профессиональных стандартов, а, с другой, — способствует непосредственному доступу производителей «смыслов» к целевой аудитории, где они вступают в конкурентную борьбу с другими акторами, в том числе и с государством.

Статьи, подобранные для этого тематического номера журнала «Идеология и политика», не представляют целостного нарратива, который бы раскрыл феномен «бархатных революций». Они лишь очерчивают потенциальные направления исследований и демонстрируют необходимость написания транснациональной истории «длинного 1989 года», истории бесконечного локального конца истории. Можно сказать, что этот номер — приглашение к дальнейшей исследовательской работе.

Тезис Фрэнсиса Фукуямы о конце истории уже, казалось бы, давно потерял свою актуальность. Но если это был не конец истории, то что тогда: римейк, сиквел или новый раздел? (Tertychnyi 2003). Как понимать и анализировать те процессы, старт которым был положен в 1989-м?

История «короткого XX века» полна войн и революций. Одна за другой распались колониальные империи, дискурс эмансипации превратился в глобальный тренд, а «бархатные революции» в 1989 году давали надежду на построение нового — свободного и справедливого — глобального миропорядка. Через тридцать лет после падения Берлинской стены стало очевидным, что последняя революция XX века

не была такой уж мирной, о чем ярко свидетельствует пример Югославии. Кроме того, можно констатировать, что тогда так и не произошло символического прощания с империями и национализмами.

Глобальный структурный кризис, начало которому положили экономические потрясения 2008 года, медленно охватил все сферы жизни народов планеты. Для нашего региона этот кризис продолжился аннексией Крыма Россией в 2014 году. Это спровоцировала крупнейший международный кризис безопасности со времен Второй мировой войны в Европе (сравнимый с Югославскими войнами). Фактически происходит попытка ревизии Россией и рядом других государств результатов Холодной войны, символическим олицетворением которой было свержение Берлинской стены.

Бібліографія:

- Vazhan, Oleh (2020) Від "оксамитових революцій" були захмарні очікування. Це одна з причин, чому сьогодні у Польщі та Угорщині при владі популісти [From Ukr: There were high expectation from "velvet revolutions". That the one of the reason why populist now reign in Poland and Hungary], *Цензор.Нет*, 16 February, https://censor.net.ua/resonance/3175610/vd_oksamitovih_revolyutsyi_buli_zahmarn_ochkuvanny_a_tse_odna_z_prichin_chomu_sogodn_u_polsch_ta_ugorschin (accessed 16 February 2020)
- Beasley-Murray, Tim. (2013). Ruins and Representation of 1989: Exception, Normality, Revolution. In *The Inhabited Ruins of Central Europe: Re-imagining Space, History and Memory*, Gafijchuk, Dariusz & Sayer, Derek (eds). New York: Palgrave Macmillan, 16–39.
- Fond «Russkiy mir». (2008). Ideologiya Fonda «Russkiy mir» [From Rus: "Russkiy Mir" Foundation ideology], *Фонд «Русский мир»*, 15 October, <https://russkiymir.ru/fund/> (accessed 15 October 008).
- Fromm, Erich (2018). *Vtecha vid svobody* [From Ukr: *Escape from Freedom*]. Kharkiv: KSD.
- Khavkin, Borys (2010). Ностальгия по сталинской империи в постсоветском дискурсе [From Rus: Nostalgia on Stalin's empire in post-Soviet discourse], *Forum noveyshey vostochnoevropeyskoy istorii i kultury*, No 1, 185.
- Lyuks, Leonid (2013). Stremlenie "zabytoi chasti" staroho kontinenta k «vozvrashcheniyu v Evropu» na primere posleyaltinskoj Pol'shi, Evromaidana s russkihk evropetsev [Aspiration of "forgotten part" of old continent to "return to Europe" based on the example of post-Yalta Europe, EuroMaidan and Russian Europeans], *Forum noveyshey vostochnoevropeyskoy istorii i kultury*, No 2, 22.
- Tertychnyi, Oleksandr (2003). Fukuyama pomylivsy: kinets' istorii vidsuvayut ukrains'ki doslidnyky [From Ukr: Fukuyama was mistaken: the end of history is moved away by Ukrainian researchers], *Дзеркало тижня*, 4 April, https://dt.ua/SCIENCE/fukuyama_pomilivsy_kinets_istoriyi_vidsuvayut_ukrayynski_doslidniki.html (accessed 4 April, 2003).
- Sereda, Yevhen (2018). Chym bil'she svobody, tym bil'she vsdpovidal'nist' [From Ukr: The more freedom, the more responsibility], *День*, 11 February, <https://day.kyiv.ua/uk/blog/suspilstvo/chym-bil'she-svobody-tym-vyshche-vidpovidalnist> (accessed 11 February, 2018).
- Shore, Marcy (2014). Solidarnist' pryholomshenykh: chomu Pol'shcha rozumie Ukrainu [From Ukr: Marcy Shore The solidarity of stunned: why Poland understans Ukraine?] *historians.in.ua*, 10 May, <http://www.historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/1154-marsi-shor-solidarnist-pryholomshenykh-chomu-polshcha-rozumiie-ukrainu> (accessed 10 May 2014).